

которымъ вручались очень многе совершавшіе священнодѣйствія. Итакъ кто рабъ, тотъ и дѣлаеть владыкъ, и сдавшійся на капитуляцію снабжаетъ властію гражданъ Атмета, римлянъ, погубивъ свободного жителя, своего Креза, ложнымъ общаніемъ сомнительнаго имущества. Почему же Богъ побоялся постоянно возвѣщать, что Онъ удаленъ изъ этого царства? Какъ будто боги, снабженные царскою властію, могли когда-нибудь охранять свои города! Если они имѣютъ силу охранять римлянъ, то почему Минерва не защитила афинянъ отъ Ксеркса? Или почему Аполлонъ не исторгъ Дельфъ изъ рукъ Ксеркса? Пусть охраняютъ городъ Римъ тѣ, которые потеряли свои города, если религіозность римская заслужила этого. Религія римлянъ съ своими обширными обрядами приобрѣтена была не послѣ ли приобрѣтенія величайшей власти? Хотя богослуженіе было введено Нумой, однако религія тогда еще не похищала путемъ обмана вашего имущества для кумироръ и храмовъ. Религія была бережлива, обряды были бѣдны, жертвенники случайны, сосуды грязны, дымъ изъ нихъ малъ и самого бога не было нигдѣ. Итакъ римляне сдѣлались религіозными не прежде, чѣмъ великими, и не потому они велики, что религіозны. Напротивъ, какимъ образомъ римляне могли приобрѣсть власть религіозностію и величайшею заботливостію о богахъ, когда ту власть они приобрѣтали, оскорбляя боговъ? Ибо, если я не ошибаюсь, всякое царство и власть войнами приобрѣтаются и войнами защищаются. Побѣдители оскорбляютъ и боговъ градскихъ. Ибо одинаково разрушаются и крѣпости и храмы, одинаково расхищаются и несвященные и священные, одинаково избиваются граждане и крепы. Столько святотатствъ римлянъ, сколько трофеевъ: столько триумфовъ ихъ надъ богами, сколько и надъ народами. Берутся въ плѣнъ и кумиры и, конечно, если они чувствуютъ побѣдителей, то не любятъ ихъ. Но такъ какъ боги ничего не чувствуютъ, то безвѣдно оскорбляются, и такъ какъ безвѣдно оскорбляются, то напрасно почитаются. Итакъ чье величіе приобрѣтено побѣдами, тѣ не могутъ расширять его дѣлами религіозными, или по мѣрѣ расширенія его оскорбляютъ религію, или по мѣрѣ оскорбленія расширяютъ его. Всѣ народы, каждый въ свое время, имѣли царства, какъ

Апологетическія сочиненія Тертуліана.

напримѣръ: ассиріяне, мидяне, персы, египтяне. Нѣкоторые изъ нихъ царствуютъ доселѣ, и однако и тѣ, которые потеряли царства, не оставались безъ религіи и почитанія даже немилостивыхъ боговъ, пока наконецъ не перешло къ римлянамъ почти все господство. Итакъ судьба временъ владѣть царствами. Ищите, кто установилъ смѣны временъ. Онъ же управляетъ царствами, и теперь сосредоточилъ въ рукахъ римлянъ власть, отнятую у многихъ народовъ, какъ бы деньги. Что отъ Него зависитъ она, это знаютъ тѣ, которые къ Нему ближе всѣхъ.

СОЧИНЕНІЕ ТЕРТУЛЛІАНА

Апологія.

„Апологія“ Тертулліана раздѣляется на три части: введеніе (1—6 гл.), изслѣдованіе (7—45 г.) и эпилогъ (46—50 гл.).

Во введеніи авторъ указываетъ мотивы, по которымъ онъ пиш-менно, а не устно защищаетъ христіанъ предъ римскими правите-лями. Потомъ доказываетъ несправедливость общей ненависти къ христіанамъ и несправедливость римскаго судопроизводства. Все пре-ступленіе христіанъ состоитъ и въ имени; но на самомъ дѣлѣ и оно не имѣетъ въ себѣ никакой вины (1—3). То возраженіе язычни-ковъ вообще и римскихъ судей въ особенности, что они такъ, а не иначе должны поступать съ христіанами въ силу существующихъ противъ нихъ законовъ, запрещающихъ самое бытіе ихъ, совершенно не состоятельно. Законы эти не имѣютъ права на свое существованіе, такъ какъ они противны долгу и справедливости. Если римляне измѣ-няли и отмѣняли прекраснѣйшіе древніе законы, то тѣмъ болѣе они должны отмѣнять законы, направленные противъ христіанъ, какъ обязанные своимъ происхожденіемъ людямъ безчестнымъ и неспра-ведливымъ (4—6).

Самое изслѣдованіе, или самая апологія раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ христіане защищаются отъ обвиненія въ *тайныхъ преступленіяхъ* (*occulta facinora*). Ганцыя преступленія—убіеніе дѣтей, яденіе ихъ и кровосмѣшеніе. Это обвиненіе несправедливо: никто никогда не засталъ христіанъ при совершеніи этихъ преступ-леній (7); преступленія эти противуестественны. Существованію ихъ среди христіанъ язычники вѣрятъ потому только, что они соверша-лись и совершаются доселѣ (9). Во второмъ отдѣлѣ защищаются

христіане отъ обвиненія въ явныхъ преступленіяхъ (*manifestiora taciōra*), Эти преступленія — *crimen laesae divinitatis* (преступленіе въ оскорбленіи боговъ) и *crimen laesae majestatis* (преступленіе въ оскорбленіи величества). Христіане не виновны ни въ томъ, ни въ другомъ преступленіи. Римскіе боги по своему происхожденію и образу жизни не боги, а люди (10). Изъ людей они не могли сдѣлаться богами (11). Не боги они и для самихъ римлянъ. Это показываетъ зависимость ихъ отъ воли сената, презрительное обращеніе съ изображеніями ихъ (употребленіе ихъ для домашнихъ цѣлей и даже съ аукціона), плата за входъ въ храмъ, уравниеніе ихъ съ мертвыми (13), ритуалъ языческій, обращеніе съ богами въ литературѣ поэтической и философской (14), въ зрѣлищахъ, наконецъ распутство въ храмахъ и ограбленіе ихъ (15).

Что же христіане почитаютъ?

Они не почитаютъ ни ослиной головы, ни солнца, ни Онокоита, какъ вы думаете (16). Предметъ ихъ богопочитанія составляетъ Существо единое, невидимое, неосязаемое, которому все обязано своимъ происхожденіемъ. Бытіе этого Существа доказываютъ Его дѣла, свидѣтельство души (17). Священное писаніе Вѣтхаго Завета (18—20). Христіанство рѣзко отличается отъ іудейства (21). Ученіе о демонахъ. Боги и демоны одно и тоже по собственному ихъ сознанію (22—23). Въ иррелигіозности нужно обвинять не христіанъ, а язычниковъ (24). То мнѣніе, будто римляне сдѣлались великими благодаря своимъ богамъ, помогавшимъ имъ за ихъ необыкновенную религіозность, не имѣетъ основанія (25—26). Величіе и власть даетъ Богъ христіанскій (25—26). Совѣтъ язычниковъ христіанамъ (27). Несправедливо обвиненіе въ оскорбленіи императорскаго величества. Приносить жертвы богамъ совершенно бесполезно (28—29). Въмѣсто принесенія вашимъ богамъ бесполезныхъ жертвъ христіане молятъ своего Бога за императоровъ, что заповѣдуетъ имъ божественный законъ (30—32). Императора можно называть словомъ *Dominus*, но словомъ *Deus* отнюдь не слѣдуетъ (33—34). Насъ называютъ общественными врагами за то, что мы не принимаемъ участія въ суетныхъ торжествахъ, устрояемыхъ въ честь императоровъ. Но за то мы никогда не возстаемъ

противъ императоровъ, что дѣлали и дѣлаете вы (35). Христіане не враги общественныя, ибо ихъ религія запрещаетъ имъ вражду къ ближнимъ. Еслибы они были общественными врагами, то они мстили бы язычникамъ за тѣ оскорбленія и мученія, которыя постоянно имъ они наносятъ (36—37). Секту христіанскую нужно считать въ числѣ дозволенныхъ факцій. Ничто такъ не удалено отъ христіанъ, какъ дѣла политическія. Это можно видѣть изъ того, что дѣлаютъ христіане въ своихъ собраніяхъ. Ихъ собраніе состоитъ изъ людей добрыхъ, благочестивыхъ и цѣломудренныхъ, а поэтому его должно называть не факціею, а куріею (38—39). Вы же заслуживаете названія факціи, такъ какъ возстаете противъ людей добрыхъ и честныхъ и такъ какъ несправедливо считаете христіанъ виновниками общественныхъ бѣдствій. Эти бѣдствія ниспосылаются не вашими богами, а нашимъ Богомъ, и не ради насъ, а ради васъ (40—41). Христіане не безполезны для торговыхъ дѣлъ. Безполезны они только для безразвѣстныхъ людей. Великую пользу они приносятъ тѣмъ, что изгоняютъ изъ язычниковъ демоновъ и что молятъ за нихъ Бога (42—43). Христіане не приносятъ обществу никакого вреда. Вредъ ему приносятъ язычники тѣмъ, что умерщвляютъ людей невинныхъ (44—45).

Планъ и содержаніе третьей части Апологіи слѣдующій. Христіанство не есть родъ философіи. Философы существенно отличаются отъ христіанъ (46). Книги Ветхаго Завѣта служили источникомъ и для философовъ; но они ихъ измѣнили и исказили, какъ гностики книги Новаго Завѣта. Это они дѣлали по внушенію демоновъ. Эти послѣдніе отъ самой истины взяли оружіе противъ истины. Библейское ученіе гораздо вѣроятнѣе ученія языческаго и съ точки зрѣнія естественнаго разума, что можно видѣть изъ сравненія ученія пифагорейскаго о переселеніи душъ съ ученіемъ христіанскимъ о воскресеніи мертвыхъ (47—48). Ученіе наше полезно и не глупо. Если бы было и глупо, то и въ такомъ случаѣ его должно было бы осмѣивать, а не подвергать послѣдователей его смертнымъ казнямъ. При казняхъ этихъ вы напрасно торжествуете. Триумфъ тутъ принадлежитъ намъ, а не вамъ; ибо тутъ на самомъ дѣлѣ мы побѣждаемъ, а не вы: мы удерживаемъ.

живаемъ то, за что сражаемся. Мы благодаримъ васъ за ваши смертные приговоры (49—50).

Къ кому адресовалъ Тертулліанъ свою Апологію?

Тѣхъ, къ кому онъ адресовалъ свою Апологію, называетъ двойко, а именно: *Antistites Romani imperii* и *Praesides*. Первое названіе, употребленное имъ только однажды и въ самомъ началѣ этого сочиненія, весьма общаго характера. Такъ онъ могъ назвать съ одинаковымъ правомъ и членовъ римскаго сената, и высшихъ членовъ африканскаго магистрата, и такихъ же членовъ вообще всякаго высшаго римскаго магистрата. По второе названіе гораздо определеннѣе указываетъ на то, къ кому онъ адресовалъ свою Апологію. Подъ *Praesides* во времена императоровъ разумѣли обыкновенно намѣстниковъ римскихъ провинцій—проконсуловъ, пропреторовъ, императорскихъ легатовъ и прокураторовъ. Черты, которыми Тертулліанъ характеризуетъ здѣсь тѣхъ, къ кому онъ адресовалъ свою Апологію, вполне приложимы вообще къ правителямъ римскихъ провинцій. Тертулліанъ приписываетъ имъ высшую власть, которую римляне называли *imperium*. Но такую властію были облечены эти правители. Далѣе онъ приписываетъ имъ въ частности высшую судебную власть, впрочемъ не безапелляціонную, а имѣющую надъ собою еще высшую судебную власть. Но и это также приложимо ко всемъ правителямъ римскихъ провинцій. Судебная власть ихъ въ провинціяхъ не имѣла надъ собою никакого высшаго суда; но въ то же время она была подчинена римскому сенату и императору. Каждый римскій гражданинъ, довольный провинціальнымъ судомъ по дѣламъ уголовнымъ, имѣлъ право апелляціи. Пользуясь этимъ правомъ, и апостолъ Павелъ, какъ римскій гражданинъ, потребовалъ у Феста „суда кесарева“. Затѣмъ тѣ лица, къ которымъ адресована Апологія, лишены права прилагать „къ дѣлу христіанъ“ обычныя формы судопроизводства, имѣющія своею цѣлію самое точное и всестороннее разслѣдованіе предмета обвиненія. И эта черта также вполне приложима къ правителямъ римскихъ провинцій. Эти правители должны были руководиться при судопроизводствѣ надъ христіанами эдиктомъ императора Траяна, повѣлѣвавшимъ наказывать христіанъ въ случаѣ неотреченія ихъ отъ своей

религии безъ всякаго разслѣдованія дѣла. Наконецъ нигдѣ Тертуліанъ не называлъ по имени тѣхъ, къ кому адресуетъ свою Апологію. Въ силу всего этого мы со многими другими полагаемъ, что сочиненіе это адресовано вообще къ правителямъ римскихъ провинцій и лично ни къ кому. Но естественно думать, что сочиненіе это имѣло въ виду ближайшимъ образомъ правителей кароагенской провинціи, обѣихъ Мавританій и Нумидіи.

Вопросъ о времени происхожденія Апологіи Тертуліана рѣшается различно. Ключемъ къ рѣшенію этого вопроса служатъ слѣдующія слова 35 главы этого сочиненія: *Откуда и Кассим, и Нигры, и Альбины?.. И тѣ, которые теперь ежедневно открываются, какъ сообщники или одобрители злобѣйской партіи, уцѣлѣвшій остатокъ послѣ общаго пораженія государственныхъ преступниковъ (post vindemiam parricidarum racematio superstes); какими свѣжими и вѣтвистыми лаврами украшали свои двери; какими высокими и блестящими лампами освѣщали свои вестибулы; какими изысканными и роскошными подушками наполняли форумъ не для того, чтобы праздновать общественныя радости, но для того, чтобы въ торжество, чуждое своему сердцу, облечь желанія собственнаго сердца и чтобы инавгурировать образъ своей собственной надежды, причемъ они въ сердцѣ измѣняли имя императора.* Эти слова показываютъ, что Тертуліанъ писалъ свою Апологію послѣ возстанія Нигра и Альбина въ то время, когда остатокъ государственныхъ преступниковъ открывался. Но какіе государственные преступники здѣсь разумѣются? Разумѣются ли тѣ, которые принадлежали къ партіи Альбина, или тѣ, которые были сторонниками Нигра?

Тѣ государственные преступники, о которыхъ Тертуліанъ говоритъ въ томъ мѣстѣ, не были истреблены Септиміемъ Северомъ за одинъ разъ; но сначала, еще до писанія этого сочиненія, было общее пораженіе ихъ (vindemia), а потомъ, уже при писаніи его, искали и находили остатокъ ихъ (racematio superstes). Далѣе, принадлежавшіе къ этому остатку, не задолго до открытія его, принимали, по видимому, самое живое и искреннее участіе въ общественномъ торжествѣ, устроенномъ въ честь Септимія Севера, соблюдая при этомъ

всѣ установленныя закономъ и обычаемъ формальности, но на самомъ дѣлѣ въ это время они помышляли о другомъ императорѣ. Извѣстно, что Альбинъ и его сторонники были поражены на голову въ битвѣ при Люонѣ въ 197 г. Послѣ этого пораженія, какъ повѣствуесть Спарціанъ, Септимій прямо умертвилъ множество гражданъ. Правда, это можно разумѣть подъ выраженіемъ Тертулліана: *post vindemiam patricidarum*. Но партія Альбина не имѣя *racematio superstes*, такъ она истреблена была вся заразъ. Поэтому въ данномъ мѣстѣ Тертулліана нельзя усматривать этой партіи.

Но есть ли достаточное основаніе разумѣть здѣсь подъ этими преступниками партію Нигра?

Песценній Нигръ былъ убитъ въ 194 г. въ сраженіи при Исѣ. Приверженцы его храбро и мужественно продолжали войну до 195 г., пока не были принуждены голодомъ къ сдачѣ Византіи. Послѣ этого всѣ дома этого города были сожжены, стѣны разрушены, важнѣйшія правительственныя лица казнены, гарнизонъ перерѣзанъ, многія частныя лица умерщвлены, остальные проданы въ рабство. Далѣе, по свидѣтельству Спарціана, Септимій Северъ во время пароянскаго своего похода, по внушенію Плавціана, преслѣдовалъ въ Сиріи остатки партіи Песценнія Нигра (Sever. inter haec Pescennias reliquias Plautiano auctore persequabatur, ita ut nonnullos etiam ex amicis suis quasi vitae suae insidiatores appeteret. Ael. Spart. c. 15). То, что претерпѣла эта партія до 196 г. включительно, съ полнымъ правомъ можемъ разумѣть подъ тѣмъ, что Тертулліанъ обозначаетъ словомъ *vindemia*: а то, что, случилось съ остатками этой партіи во время пароянскаго похода съ такимъ же правомъ можно разумѣть подъ тѣмъ, что онъ называетъ здѣсь словами *racematio superstes*. Поэтому первая указанная нами черта государственныхъ преступниковъ, упомянутыхъ въ концѣ 35 гл. Апологіи, состоящая въ томъ, что эти преступники были истреблены не вдругъ, но что сначала было общее пораженіе ихъ (*vindemia*), а потомъ, спустя нѣсколько времени, были искомы и находимы остатки ихъ (*racematio superstes*), можетъ быть вполне приложима къ нигріанамъ. Но не столь легко можно отнести къ нимъ вторую указанную нами черту тѣхъ тертул-

лановскихъ преступниковъ. Сторонники Песценнія Пація, управлявшаго Сирією, были на Востокъ. Тамъ же, и именно въ Сиріи, Септимій Северъ преслѣдовалъ и остатки его сторонниковъ. Между тѣмъ какъ остатки тѣхъ государственныхъ преступниковъ, о которыхъ Тертуліанъ говоритъ въ указанномъ мѣстѣ Апологіи, незадолго до открытія ихъ участвовали въ общественномъ торжествѣ, устроенномъ въ Римѣ въ честь императора Септимія Севера. Въ виду этого Мосгейиъ находитъ невозможнымъ разумѣть въ данномъ мѣстѣ подъ государственными преступниками нигріанъ. Но Спарціанъ не говоритъ, что тѣ остатки нигріанъ, которые Септимій Северъ преслѣдовалъ въ Сиріи во время похода на паредіиъ, были тамъ во все время отъ убіенія ихъ вождя и отъ общаго пораженія ихъ паргіи, до начала новаго ихъ преслѣдованія. Почему не допустить, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ послѣ общаго пораженія нигріанъ были въ Римѣ и участвовали тамъ въ общественномъ торжествѣ, устроенномъ Септиміемъ Северомъ, а потомъ по какимъ либо обстоятельствамъ и, всего вѣроятнѣе, по случаю войны на Востокъ, возвратились въ Сирію, гдѣ были обвинены въ нигріанствѣ. Такое предположеніе мы тѣмъ охотнѣе допускаемъ, что нѣкоторые изъ подвергшихся преслѣдованію Септимія Севера въ Сиріи стояли къ нему въ самомъ близкомъ отношеніи, были друзьями его. Они, какъ друзья его, входили въ его свиту, и потому сопутствовали ему и во время похода его въ Галлію противъ Клавдія Альбина, и во время пребыванія его въ Римѣ по окончаніи этого похода, и наконецъ во время похода его въ Паредію, и только въ этотъ послѣдній походъ были обвинены въ покушеніи на жизнь императора. Очевидно, при такомъ предположеніи, не лишенномъ нѣкотораго основанія. и вторая черта государственныхъ преступниковъ, упоминаемыхъ въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ, приложима къ нигріанамъ. Спарціанъ непосредственно за указаніемъ на преслѣдованіе Септиміемъ Северомъ нигріанъ говоритъ объ умерщвленіи имъ же многихъ за то, что они спрашивали халдеевъ и предсказателей о его жизни. И Тертуліанъ непосредственно за разсматриваемыми нами словами говоритъ: *также поступаютъ и тѣ, которые спрашиваютъ и астрологовъ, и гару-*

спиковъ, и авиуровъ, и маювъ о жизни императоровъ. Такъ какъ у того и другого рѣчь идетъ здѣсь объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, вопрошавшихъ о жизни императора; то смѣемъ думать, что и выше у нихъ разумѣются одни и тѣже государственные преступники, то есть, нигриане. Поэтому полагаемъ, что Аполлогія Тертулліана была писана тогда, когда остатки партіи Песценнія Нигра были преслѣдуемы Септиміемъ Северомъ. А это преслѣдованіе падаетъ на 199—200. Слѣдовательно къ этому времени и нужно относить происхожденіе Аполлогіи Тертулліана.

Не смотря на то, что Аполлогія Тертулліана писана несомнѣнно подъ вліяніемъ предшествовавшихъ ей греческихъ аполлогій, не смотря на то, что многое перенесено изъ послѣднихъ въ первую; она принадлежитъ къ числу самостоятельныхъ и оригинальныхъ произведеній. Въ ней весьма много есть такого, чего нѣтъ ни въ одной изъ предшествовавшихъ ей аполлогій. Цѣлая половина ея не имѣетъ ничего или почти ничего аналогичнаго себѣ въ этихъ аполлогіяхъ. Главы: 4, 5, 6, 10, 11, 15, 16, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 33, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 43, 44, 45, 49 и 50 самостоятельны. Да и зависимыя ея главы имѣютъ въ себѣ немало новаго и оригинальнаго. Тертулліанъ обыкновенно тѣ положенія или мнѣнія, которыя беретъ у того или другого греческаго апологета развиваетъ до *non plus ultra*, анализируетъ ихъ до послѣдней степени возможности. Такое развитіе имѣютъ у него слѣдующія положенія, общія съ предшествовавшими ему апологетами: христіанъ несправедливо ненавидятъ (1 гл.), христіанъ несправедливо судятъ (2 гл.), единственное преступленіе христіанъ составляетъ ихъ имя (2—3 гл.). То же мы видимъ въ Тертулліановой защитѣ христіанъ отъ обвиненія въ тайныхъ и явныхъ преступленіяхъ. Такъ Аѳинагоръ, съ которымъ Тертулліанъ имѣетъ болѣе всего сходства въ защитѣ христіанъ отъ обвиненія въ тайныхъ преступленіяхъ, опровергаетъ это обвиненіе тѣмъ, что оно не доказано, ибо никто никогда не засталъ христіанъ при совершеніи этихъ преступленій. Тертулліанъ въ развитіи этого доказательства идетъ далѣе. Онъ утверждаетъ, что не только никто не открылъ этихъ преступленій, но и не могъ открыть. Сами христіане не могли открыть ихъ

никому, потому, что эти преступления, какъ полагаютъ, составляютъ сущность ихъ мистерій, а всякія мистерія требуютъ отъ своихъ членовъ гробового молчанія, почему тщательно скрываются мистеріи самооракійскія и елевзинскія (7 гл.). Не могли открыть ихъ стороннія лица, такъ какъ даже дозволенные мистеріи не допускаютъ къ себѣ непосвященныхъ и остерегаются всякаго рода свидѣтелей (7 гл.). Далѣе Аѳинагоръ говоритъ, что христіане не совершаютъ ни тѣсто-выхъ ни эдиповыхъ преступленій Тертуліанъ же хочетъ доказать, что они и не могутъ совершать эти преступления, такъ какъ они противоестественны (8 гл.). Наконецъ Аѳинагоръ указываетъ только на то, что язычники и ихъ боги виновны въ кровосмѣшеніи. Тертуліанъ же доказываетъ, что язычники виновны кромѣ этого и въ челоуѣкоубійствѣ, и въ антропофагіи. Сервершенно такимъ же Тертуліанъ является въ защитѣ христіанъ и отъ обвиненія въ *crimen laesae divinitatis*. Греческіе апологеты для оправданія христіанъ отъ этого обвиненія обыкновенно доказывали то, что языческіе боги не были на самомъ дѣлѣ боги, они не боги *in ipsa re*, не боги, такъ сказать, объективные. Тертуліанъ же доказываетъ, что они не боги и для самихъ язычниковъ, не боги и субъективные, такъ какъ язычники и въ жизни, и въ литературѣ относятся къ нимъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Для подтвержденія христіанскаго монотеизма Тертуліанъ приводитъ такое доказательство, какого мы не находимъ ни у одного изъ предшествующихъ ему апологетовъ. Онъ для этого обращается не къ философамъ и поэтамъ языческимъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Аѳинагоръ, а къ свидѣтельству души грубой, невѣжественной, необразованной. „Хотя душа“ говоритъ онъ, „заключена въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ, хотя она помрачена извращенными ученіями, хотя она лишена бодрости благодаря страстямъ и похотямъ, хотя она рабски служитъ ложнымъ богамъ; однако, когда приходитъ въ себя, освободившись какъ будто отъ опьяненія или сна или какой либо болѣзни, и дѣлается снова здоровою, то произноситъ имя Богъ и одно только это имя, такъ какъ истинный Богъ дѣйствительно есть одинъ только. Всѣ говорятъ: великъ Богъ, блавъ Богъ и что Богъ дастъ. Душа свидѣтельствуетъ, о Немъ, какъ Судія, когда говоритъ:

Богъ видитъ, вручаю Богу, Богъ воздастъ мнѣ. Освидѣтельство души по природѣ христіанки!

Далѣе, отличіе Апологіи Тертулліана отъ предшествующихъ ей апологій заключается въ точкѣ зрѣнія ея. Тертулліанъ стоитъ здѣсь на такой точкѣ зрѣнія, на которой не стояли его предшественники. Последніе, какъ греки по рожденію и философы по образованію, стояли на точкѣ зрѣнія философской. Тертулліанъ же, какъ римлянинъ по рожденію и юристъ по образованію и профессіи, стоитъ на точкѣ зрѣнія юридической. Юридическій характеръ его Апологіи усматривается и въ ея предисловіи, и самой защитѣ. Въ предисловіи онъ сопоставляетъ судопроизводство римлянъ надъ христіанами съ судопроизводствомъ ихъ надъ язычниками. Тамъ онъ рассуждаетъ о законахъ вообще съ принципиальной точки зрѣнія, показывая, каковы они должны быть, и говоритъ объ исчезновеніи многихъ древнихъ римскихъ законовъ. Юридическій характеръ собственной защиты жизни можно усматривать и въ самомъ планѣ ея. Собственная защита раздѣляется на двѣ весьма неравныя части. Первая защита обнимаетъ только три главы (7—9), а вторая—тридцать шесть (10—45). Причина такой неравномѣрности этихъ частей заключается въ различной степени важности предъ римскимъ судомъ тѣхъ предметовъ, которые составляютъ содержаніе той и другой части. Предметъ первой части оставляетъ защита христіанъ отъ обвиненія въ тайныхъ преступленіяхъ, предметъ же второй части—защита христіанъ отъ обвиненія въ явныхъ преступленіяхъ, именно: *crimen laesae* и *crimen laesae majestatis*. Главный, существенный мотивъ къ изданію противохристіанскихъ законовъ составляли не тайныя преступленія, а явныя. Поэтому разсмотрѣніе первыхъ преступленій имѣло для Тертулліана значеніе преюдиціума, значеніе предварительнаго судебного разслѣдованія, что онъ прямо заявляетъ въ концѣ 6 главы, говоря: „я буду отвѣчать на' обвиненіе насъ въ тайныхъ преступленіяхъ, чтобы очистить себѣ путь къ защитѣ отъ явныхъ преступленій“. Напротивъ, обвиненіе въ явныхъ преступленіяхъ составляло самую суть христіанскаго дѣла. „Насъ обвиняютъ“, говорятъ Тертулліанъ, „въ оскорбленія религіи и императорскаго величества.

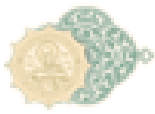
Въ этомъ состоитъ самая главная вина папа, даже вся, и поэтому должно тщательно рассмотреть ее, чтобы узнать, не осуждает ли насъ въ этомъ предразсудокъ или несправедливость, изъ которыхъ первый презираетъ истину, а послѣдняя отрицаетъ ее“ (10 гл.). Вотъ почему Тертулліанъ посвятилъ каждому изъ этихъ обвиненій по 18-ти главъ. Далѣе юридическій характеръ этого сочиненія можно видѣть и въ способѣ доказательствъ религіозно-философскихъ вопросовъ. Такъ, желая доказать тождество демоновъ съ языческими богами, Тертулліанъ восклицаетъ: „пусть будетъ поставленъ здѣсь предъ вашимъ трибуналомъ такой человекъ, о которомъ было бы извѣстно, что онъ одержимъ демономъ. Лишь только любой христіанинъ прикажетъ этому демону говорить, то онъ сознается, что онъ настолько на самомъ дѣлѣ есть демонъ, насколько въ другомъ мѣстѣ ложно есть Богъ“ (23 гл.). Наконецъ, этотъ же характеръ его показываютъ и нѣкоторыя выраженія, а именно: „bonus vir Gajus, tantum quod christianus, или: at enim christianus si de homine hominem ipsumque de Gajo Gajum reducem repromittat“. Имя Гаій есть не конкретное здѣсь имя, а абстрактное, которое юристы, обыкновенно, приводили для примѣра. Сюда же относятся и нѣкоторыя другія выраженія (гл. 11).

Новое отличіе Аполוגіи Тертулліана отъ однородныхъ ей предшествующихъ сочиненій состоитъ въ источникахъ и способѣ пользования ими. Источниками греческихъ аполוגій были священныя книги Ветхаго и Новаго Завета и греческая литература: Такъ Іустинъ Философъ изъ библейскихъ писателей цитуетъ Моисея, Давида, Исаію, Іеремію, Іезекіиля, Даниила, Захарію, Михея, Матоея, Луку, Марка и Іоанна, а изъ греческихъ Гезіода, Гомера, Платона и пр. Греческіе аполוגеты обыкновенно преводятъ въ своихъ аполוגіяхъ подлинныя слова цитуемыхъ ими авторовъ и притомъ иныхъ авторовъ цитуютъ слишкомъ часто въ одномъ и томъ же сочиненіи. Іустинъ, напримеръ, въ первой своей Аполוגіи Исаію цитуетъ 28 разъ, Матоея 25 разъ. Источниками Аполוגіи Тертулліана, кромѣ библейскихъ книгъ и греческой литературы, служили произведенія латинскихъ языческихъ писателей и притомъ въ значительномъ количествѣ, а также

собственное его знаніе современной ему жизни языческой и христіанской. Свѣдѣнія, почерпаемыя изъ этихъ источниковъ, передаются тутъ Тертулліаномъ обыкновенно не въ подлинныхъ словахъ.

Наконецъ, отличіе Аполוגіи Тертулліана отъ предшествующихъ ей аполוגій заключается въ полемическомъ характерѣ ея. Тертулліанъ поставляетъ здѣсь свою задачу доказать не только то, что христіане не виновны во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ, которыя возводятъ на нихъ ихъ враги—язычники, но и то, что во всемъ этомъ, виновны сами обвинители ихъ. „Теперь“, говоритъ онъ, „я буду защищать дѣло невинное, и не только отвергну то, въ чемъ насъ обвиняютъ, но и обращу это на самихъ обвинителей, чтобы отсюда всѣ знали, что христіане не имѣютъ того, что, какъ извѣстно язычникамъ, есть у нихъ самихъ, и чтобы они устыдились, обвиняя, если не лучшихъ себя, то по крайней мѣрѣ ужъ равныхъ себѣ“ (гл. 4).

Николай Щегловъ.

Апология.¹⁾

Если вамъ, представители римской власти²⁾, предѣдательствующимъ на открытомъ и высокомъ мѣстѣ, почти на самой вершинѣ государства для того, чтобы производить судъ, не дозволено явно разбирать³⁾ и лично изслѣдовать, въ чемъ собственно состоитъ дѣло христіанъ; если относительно этого только одного дѣла⁴⁾ ваша власть или боится или стыдится публично производить дознанія по строгимъ правиламъ справедливости; если наконецъ, что случилось весьма недавно, ненависть къ этой сектѣ⁵⁾, чрезмѣрно дѣятельная въ домашнихъ судахъ⁶⁾, заграждаетъ путь къ запитѣ: то да позволено будетъ истинѣ дойти до вашихъ ушей по крайней мѣрѣ тайнымъ путемъ беззвучныхъ буквъ. Она ничего не выпрашиваетъ своему дѣлу, потому что и не удивляется своему положенію. Она знаетъ, что она живетъ на землѣ, какъ чужестранка, что между чужими ей легко найти себѣ враговъ; но при этомъ знаетъ, и то, что она имѣетъ

¹⁾ Переводъ сдѣланъ по Элеру и Раушену.

²⁾ Подъ *Romani imperii antistites* разумѣется не сенатъ римскій, какъ полагаетъ Евсевій (Hist. Eccles. т. 5), не Септимій Северъ и Антонинъ Каракалла, какъ думаетъ Нессельтъ, не карфагенскій только и африканскій магистратъ, а вообще правители римскихъ провинцій.

³⁾ *Dispicere* у юрисконсультовъ часто употребляется вмѣсто *examinare* или *excutere*, изслѣдовать, разобрать.

⁴⁾ *Ad speciem. Species* взоръ, видъ, употреблено въ смыслѣ *genus causae, causa*, родъ дѣла, дѣло.

⁵⁾ Т. е. сектѣ христіанъ.

⁶⁾ *Domesticis judiciis*. Подъ домашними судами Тертуліанъ, вѣроятно, разумѣетъ судъ отца надъ сыномъ, мужа надъ женою, господина надъ рабомъ, о чемъ говоритъ онъ ниже (3 гл.). Случай домашняго судопроизводства, на который онъ здѣсь указываетъ, не извѣстенъ исторіи.

свое происхожденіе, жилище, надежду, любовь къ себѣ, честь на небесахъ. Теперь одного только она жаждетъ, чтобы не осуждали ее, не узнавъ ея. Что потеряютъ законы, господствующіе въ своемъ царствѣ, въ томъ случаѣ, если ее выслушаютъ? Не тѣмъ болѣе ли будетъ прославляться сила ихъ, если они будутъ осуждать ее, даже выслушавъ ее? Но если они будутъ осуждать ее, не выслушавъ ея, то кромѣ упрека въ несправедливости, будутъ заслуживать подозрѣніе въ нѣкоторомъ сознаніи, именно: не хотятъ выслушивать ее потому, что не въ состояніи осуждать ее по выслушаніи ея. Итакъ мы поставляемъ предъ лицомъ вашимъ первую причину несправедливой ненависти къ имени христіанъ это. Эту несправедливость та самая причина, которая повидимому ее извиняетъ, на самомъ дѣлѣ и обвиняетъ и осуждаетъ ее, то есть, незнаніе. Ибо что несправедливѣе того, что люди ненавидятъ то, чего не знаютъ, хотя оно и заслуживало бы ненависти. Ибо тогда только оно заслуживаетъ ненависти, когда разузнаютъ, заслуживаетъ ли оно. Если же знаніе вины отсутствуетъ, то тѣмъ защищается справедливость ненависти, которую должно оправдать не тѣмъ, что есть, но знаніемъ. Такъ какъ ненавидятъ¹⁾ потому, что не знаютъ, каково есть то, что ненавидятъ, то почему оно не можетъ быть такимъ, чего они не должны бы ненавидѣть? Итакъ мы доказываемъ одно другимъ: и то, что они не знаютъ, потому что ненавидятъ, и то, что они несправедливо ненавидятъ, такъ какъ не знаютъ. Доказательство незнанія, которое осуждаетъ несправедливость въ то время, какъ защищаетъ, есть; ибо всѣ, которые прежде²⁾ ненавидѣли, потому что не знали, каково то, что ненавидѣли, перестаютъ и ненавидѣть, лишь только³⁾ перестаютъ не знать. Изъ нихъ дѣлаются христіане, конечно, благодаря пріобрѣтенію точнаго знанія, и они начинаютъ ненавидѣть то, чѣмъ были прежде, и проповѣдывать то, что раньше ненавидѣли, и ихъ теперь

¹⁾ *Cum propterea oderunt... Cum causale* у Тертуліана и вообще у африканскихъ писателей весьма часто употребляется съ изъяснителями. накл.

²⁾ *Retro*, назадъ въ значеніи *antea*, прежде того, прежде.

³⁾ *Simul* въ тѣхъ = *simulac* лишь только.